

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

Весною 1845 года начинающий, впоследствии очень известный, писатель Григорович взял у своего сотоварища по воспитанию в Инженерном училище рукопись его первого литературного труда и отнес ее к Некрасову, собиравшему материалы для "Петербургского сборника".

Чтение рукописи привело их в восторг и вызвало у сдержанного вообще Некрасова слезы. С известием об этом впечатлении, самым ранним утром, Григорович поспешил к автору, а затем вместе с Некрасовым отправился к знаменитому русскому критику. "Белинский! -- вскричал один из них, входя, -- новый Гоголь родился!".

"Эк у вас Гоголи-то как грибы растут",-- сурово ответил Белинский, однако взял рукопись, а вечером в тот же день пришел к ним сказать, что совершенно восхищен этим произведением и непременно желает видеть молодого автора, которого затем приветствовал самым душевным образом и, так сказать, благословил на дальнейшую писательскую деятельность. Этот молодой автор был Достоевский, а произведение его называлось "Бедные люди", в котором затронутые Гоголем душевные переживания скромного труженика, "унижаемого и оскорбляемого" и людьми и судьбой, изображены с гораздо большей широтой и берущей за сердце глубиной.

Гейне говорит, что человек в разгаре своей деятельности похож на солнце. Чтобы его рассмотреть, как следует, надо видеть его при восходе и при закате. То же следует сказать и про деятельность выдающегося человека. Восход и закат Достоевского, как писателя, были яркие и приковывавшие к себе общее внимание, но разгар его деятельности был полон внешних и внутренних страданий, нужды, болезни и отсутствия справедливости в отношении к нему критики. Улыбнувшись ему и даже вскружив ему голову блестящим успехом, судьба повела его затем тяжким и тернистым путем, сначала на Семеновский плац, заставив пережить муки ожидания смертной казни, потом по долгой "Владимирке" в сибирскую каторгу и оренбургские линейные батальоны. После "Бедных людей" талант его, как это встречается у многих писателей, стал как будто постепенно слабеть, гаснуть и, под влиянием материальной нужды, грозить размениться на мелкую монету вынужденного заработка. Но пребывание в "Мертвом доме" не озлобило его, не убило для жизни и не заставило возгордиться, доведя, как это бывало у некоторых, до самолюбования. Он вернулся из каторги примиренным с жизнью, просветленный пониманием смысла и значения последней. В душе надломленных, но не обезличенных товарищей по острогу и даже в самых закоренелых злодеях он сумел найти признаки человечности. Ему было дано проникновенно затронуть роковые и противоположные вопросы *отсутствия уединения и насильственного одиночества*. Любовь к страждущим и сострадание к людям стали затем господствующей и несмолкающей нотой в его творчестве.

В его "Мертвом доме" далекая, туманная и малоизвестная сибирская каторга встала в живых образах и со всеми своими сторонами, не превзойденная никакими последующими описаниями, хотя бы и очень талантливыми. Как бледны и односторонни наряду с "Мертвым домом" прославленные страницы "Моих темниц" Сильвио Пеллико, и какой верой в лучшие свойства человека веет от дышащих правдой заметок и наблюдений Достоевского, сделанных им в русской "Citta dolente"! {Поэтическое обозначение ада, употребляется в значении "тюрьма" (*ит.*).}.

По возвращении к обычной жизни ему пришлось писать свои сочинения, созревшие в чуткой и "взыскующей града" душе в тягостных условиях. Создавая свой удивительный по богатству и глубине содержания роман "Преступление и наказание", он писал своему брату: "Работа из-за денег задавила и съела меня. Эх, хотя бы один роман написать, как Толстой или Тургенев,-- не наскоро и не наспех". И так пришлось ему работать всю жизнь, испытывая высокомерное к себе отношение некоторых из редакторов влиятельных журналов,-- оценку своего таланта как "жестокого" и упреков в "мучительстве" читателя (как будто совесть -- "незванный гость, докучный собеседник, заимодавец лютый",-- которую пробуждал Достоевский в читателе, не бывает жестокая?). Не даром тонкий ценитель его дарования, Вогуэ, называет его "собирателем русского сердца, умевшим окунуться в скорбь жизни". Эта скорбь чувствуется даже в названиях его произведений: "Мертвый дом", "Преступление и наказание", "Униженные и оскорбленные", "Идиот", "Бедные люди", "Записки из подполья" и т. д., и в его языке, тревожном, неровном, страстном, напоминающем перебои больного сердца, и, наконец, в частом возвращении к одним и тем же картинам, заставляющим вспомнить слова поэта: "О память сердца! ты сильней --